

СКАЗКИ О ПРИМОРСКОМ ЦАРСТВЕ

Продолжение

Николай Одинцов

Николай Одинцов
Сказки о Приморском
Царстве. Продолжение
Серия «Приморское царство», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70948117
SelfPub; 2024*

Аннотация

Детям нужна новая сказка каждый вечер. И всем очень хочется, чтобы истории продолжались, чтобы любимый герой побеждал злодеев и достигал чего-либо нового. В этой книге есть всё, что любят дети. Иван на волшебном коне бьётся и побеждает, волшебные приключения мальчишек, его сыновей, захватывают своей непредсказуемостью. Будут битвы волшебников, будут греметь мечи и разные другие интересные приключения. Если Вы уже прочитали детям первую книжку, то можете быть уверены, что им понравится вторая.

Содержание

Сказка про охотника Фому	4
Сказка о лешем из Тёмного леса	18
Сказка о царевиче Алёше	31
Сказка о бессмертном правителе Костуре	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Одинцов

Сказки о Приморском Царстве. Продолжение

Сказка про охотника Фому

Жил в царстве Приморском весёлый человек Фома-охотник. Петь любил, плясать был мастак, на дудке играл и забавных историй знал огромное множество. Куда ни придёт, у всех сразу улыбки на лицах появляются. Если Фому на праздник позвали, то никто там скучать не будет, он всегда готов пошутить и всех в какую-нибудь игру вовлечь. А уж как девушки Фому любили! Как он плечи широкие расправит, кудрями густыми тряхнёт, улыбнётся, так они и тают. Куда бы он ни пошёл, всегда вокруг него стайка смешливых подружек вьётся.

Пропитание себе Фома охотой добывал. Охотник он был удачливый, никогда с пустыми руками домой не возвращался. Многие ему завидовали, да только того не хотели заметить, что он раньше всех в лес уходил, в самые глухие дебри забраться не боялся, ни волку, ни медведю дорогу не уступал, вот и знал в лесу каждую тропинку и полянку. Много сил, упорства и любви он в труд свой вкладывал, вот поэто-

му всё у него и получалось.

Частенько Фома в лес на несколько дней уходил охотиться. Чтобы на голой земле не ночевать, срубил он в глубине леса на берегу небольшой речушки маленький домик. Редко кто в те далёкие места заходил, зато уж если кто этот домик видел, то надивиться не мог, как же это Фома такую красоту сотворить сумел. А он и впрямь постарался. Домик из толстых брёвен собрал, окошки наличниками резными украсил, над дверью солнце диковинное прикрепил, а на крышу петуха деревянного посадил.

От двери прямо к речке пологий спуск шёл. Фома не ленился, камней натаскал и дорожку до берега проложил, чтобы на траве не скользить, если после дождя искупаться захочется.

Так и жил охотник Фома, всеми любим, от работы не бежал, нужды не боялся, шапку зря ни перед кем не ломал.

Как-то раз пошёл он на охоту. Лето в тот год стояло жаркое, звери в лесу все попрятались, ничего ему добыть не удалось. С первыми лучами солнца он из деревни ушёл, весь день по лесу бродил, умаялся, а всё с пустыми руками! Досадно Фоме стало, не захотелось с пустыми руками без добычи домой возвращаться, вот и решил в домике своём переночевать, чтобы с утра ещё дальше в лес уйти.

Перед самым закатом он до места добрался, возле крыльца лук со стрелами оставил, одежду снял и поскорее в реч-

ку нырнул, чтобы пот с себя смыть, тело, жарой утомлённое, охладить.

Хоть и небольшая речушка рядом с его домиком пробежала, а и там много кто жил. Не только рыбы там плавали, но и русалки с водяными в игры свои играли. Вот и сейчас, недалеко от того места, где Фома в речку залез, русалка в водорослях скучала. Подружки её вверх по течению в гости уплыли, а она на них за что-то обиделась и одна осталась. Она уже и причину ссоры забыла и рада бы их догнать, да глупая гордость не даёт, заставляет на месте сидеть и на весь мир дуться. И тут заметила она человека, в реке плещущегося. Вообще-то подводные жители тех, кто воздухом земным дышит, недолюбливали, уж больно от них шуму много, поэтому близко не подходили. А тут русалке в голову шальная мысль пришла с человеком пошутить. Тенью она между колышущимися водорослями скользнула и к человеку подплыла.

А Фома в это время в воде нежился. Весь пот и усталость течением унесло, и сейчас он последними лучами солнца наслаждался, когда вдруг что-то ноги его коснулось. Аж подскочил Фома от неожиданности, да только сразу же в себя пришёл и подумал: «А вдруг это рыбина хвостом меня тронула? А вдруг я её сейчас поймать смогу?» – да и нырнул, не раздумывая, и сквозь зелёную воду увидел такое чудо, от которого у него в голове помутилось и сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Увидел он среди водорослей девичье лицо

смеющееся. Протянул Фома к нему руку, дотронуться хотел, а девушка вдруг ему подмигнула, язычок показала и за зелёной стеной колышущейся скрылась!

Вынырнул охотник, отдышался немного и опять в воду полез, чтобы проверить – не померещилось ли ему это чудо в зелёной воде?

Пока совсем не стемнело, Фома по реке лазил, под каждую корягу заглянул, всех рыб распугал, только так никого и не нашёл.

Русалке этот неуклюжий земной человек быстро надоел. Как он начал шуметь, как начал муть со дна поднимать, так она сразу же уплыла и про всё это забыла.

А Фоме той ночью не спалось. Чуть он только глаза закрыл, как сразу же перед ним лицо той девушки вставало, и не было ему при этом страшно, наоборот, хотелось руку протянуть и красавицы коснуться. Чуть только рассвет забрезжил, как Фома опять в реку полез, красавицу свою искать. Он и сам не знал, чего ищет, а всё равно раз за разом нырял. Только когда совсем замёрз, на берег вылез, костёр разжёл и думать стал, что же дальше делать, а главное – зачем?

Если о деле думать, так ему давно уже пора было в лесу быть, зверя искать, а только сердце его от реки не отпускало. И сам он не заметил, как влюбился в это видение, что перед ним промелькнуло.

Сквозь воду и водоросли ему мало чего увидеть удалось,

а то, что разглядел, прекрасней всего на свете показалось. А уж дальше фантазия сама дорисовала то, чего глаза не видели, и предстало перед Фомой такое создание прекрасное, которое не любить нельзя было. И настолько сильно он этот образ, созданный своим воображением, полюбил, что совсем голову потерял. Забыл он обо всех своих делах и заботах и только об одном думать мог – кого же это он под водой увидел?

Он уж и так и эдак прикидывал, и весь берег обошёл и всю реку обшарил, а только никого так и не нашёл. И тут ему в голову мысль пришла – а вдруг это русалка на его глаза попалась? Тут Фома совсем расстроился. Ведь если так, то не видать ему этой красавицы больше никогда в жизни!

От этой мысли такая тоска на него навалилась! Весь мир охотнику не мил стал, жить ему расхотелось.

Изменился с тех пор Фома. Вся весёлость его пропала, ни к какому делу руки у него не лежали. В деревне все это сразу заметили. Раньше он по земле легко ходил, а сейчас с трудом ноги переставлял, раньше в его руках любая работа кипела, а сейчас что ни начнёт, всё неоконченным бросит. А глаза его печальные девушек во всей округе расстроили.

Самому же Фоме ни до кого дела не было. Если он в деревню и заходил, то только ненадолго совсем, сразу старался в лес назад уйти, чтобы в домик свой вернуться. Там же у него дело было. С утра до ночи он на берегу речки сидел, на

воду смотрел и желанную свою звал. Он сидел и разговаривал с холодной водой, просил красавицу, что ему показалась, на берег выйти, обещал мужем ей стать верным, любить её всегда, от всех бед оберегать. Но не отвечала ему холодная вода, только молчание было ему ответом.

Незаметно лето пролетело, осень начала листья жёлтой краской красить и землю дождём поливать. Совсем за это время занедужил Фома. Изводила его чёрная тоска, тело высушила, сердце измучила. А тут ещё всё чаще дождь его с любимого места на берегу сгонять начал. И решил тогда охотник, что раз русалка к нему выйти не хочет, то он сам к ней придёт. А для этого решил, что он должен водяным стать. Только как в него превратиться, не знает. Подумал он, подумал, да и пошёл по Приморскому царству бродить, средство искать, которое бы под водой ему жить позволило.

Слухи по земле быстро бегут, и потому не успел Фома до соседней деревни дойти, а про его задумку уже вся округа знала, а уж когда он в ближайшем городке расспросы свои начал, то люди во всём царстве заговорили о чуде, которому жить среди людей надоело.

А Фома между тем всё шёл и шёл, и чем больше с людьми говорил, тем больше убеждался, что только один человек ему помочь сможет. Только один мудрый волшебник Силантий может знать, как это волшебство сотворить.

– Иди к нему, – говорили все, – он всё знает.

Послушался Фома добрых советов и к волшебнику напра-

вился. Без труда хижину его нашёл и в дверь постучал.

Выслушал Силантий просьбу, несколько вопросов задал, а затем сказал:

– О многом меня люди просили, но о том, чтобы я человека в водяного превратил, ещё никогда! Да и не знаю я, стоит ли вообще это делать, ведь назад, на сушу, тебе потом уже не вернуться будет.

Ох как же взмолился Фома! Начал он о большой любви своей рассказывать, о том, как страдает, говорил, просил его пощадить и дать к любимой уйти. Слушал его речь взволнованную Силантий и только головой качал. Попробовал было он объяснить, что совсем не такая русалка, как Фоме показалось, да только тот его даже слушать не стал. Начал Фома с волшебником спорить, сказал, что если бы Силантий её своими глазами увидел, то тогда бы его понял, а так даже и говорить нечего.

Рассердился волшебник, что молодой человек в незнании его обвинил, погремел склянками на полке, достал маленькую бутылочку, заполненную желтоватой жидкостью, пошептал над ней, руками поводил и протянул влюблённому охотнику.

– Если ты мне не веришь, тогда сам на неё вблизи посмотри, – сказал он. – Когда к речке подойдёшь, выпей это и сразу в воду прыгай. Сможешь ты целые сутки под водой дышать, да и водный народ тебя за своего примет. Ты там всё разгляди хорошенько, и если навсегда остаться захочешь, то при-

ходи ко мне опять, тогда я тебя навсегда под воду отправлю.

Не чуя под собой ног от радости, мчался Фома к своему домику. Как только добрался, так сразу к берегу поспешил, одежду скинул, затем одним глотком бутылочку осушил и в воду прыгнул. И тут случилось с ним то, о чём он так мечтал. Как только он воды коснулся, так будто всё тело его огнём обожгло. Вскинулся Фома от неожиданности, из воды высунулся и сразу же задыхаться начал. Да и перед глазами у него всё расплылось, будто густой туман реку накрыл. Опустил Фома опять голову под воду, и тут же всё перед ним на своё место встало. Попробовал он вдохнуть, и у него получилось, будто не вода это была, а воздух чистый! Поднял руку к лицу, смотрит, а между пальцами у перепонки появились и кожа стала цвета зелёного. Окинул тогда себя всего взглядом и сам себя не узнал. Мало того, что он зелёным стал и вместо ступней у него два плавника появились, так ещё и ракушки какие-то кругом приросли и водоросли зелёные то там, то тут из него торчали.

– Да в кого же это я превратился! – растерялся Фома. – Ведь такую образину никто полюбить не сможет!

От этих мыслей совсем он расстроился, решил к волшебнику вернуться и попросить его сделать так, чтобы он и под водой жил, и тело своё сохранил. Только на сушу Фома выбраться не смог. Воздух его душил, плавники на берегу в стороны разъезжались и держать его отказывались. Побился он так, побился, а затем в воду вернулся, чтобы совсем не по-

гибнуть.

– Видно, придётся в таком виде ещё побыть, – решил он и начал вокруг осматриваться. И тут открылся ему мир, рядом с которым он так долго жил, но который никогда не видел. Вдруг почувствовал он, что не холодная вода вокруг течёт, а тёплый ветерок кожу его ласково обдувает, водоросли, в которых он раньше всегда запутаться боялся, вдруг манить его к себе начали, приветливо листочками ему помахивая. Попробовал Фома поплыть, чуть лапами шевельнул и сразу легко заскользил над дном речным. Всё здесь было ему внове, всё сразу же понравилось. Нравилось, как водоросли кожу его щекочут, нравилось, что рыбы его не пугаются и в руки даются, нравилось, как солнечные лучи по дну разбегаются, всё ему тут нравилось.

– Вот если бы на суше дичь так же легко ловить было, – подумал он, когда под корягой здорового сома нашёл и за хвост его потаскал.

Так бы он, наверное, и дальше всё новые чудеса здесь открывал, но тут услышал, что рядом смеётся кто-то.

– Ты только посмотри, какой он симпатичный, – шептал кто-то у него за спиной.

Даже вздрогнул Фома от неожиданности и так быстро на голос повернулся, что всю муть со дна поднял.

– А неуклюжий-то он какой! – раздалось сразу же.

Тут Фома плавниками шевельнул и из мути в чистую воду выплыл. Выплыл и остолбенел. Смотрели на него и пере-

смеивались две русалки! Только были они совсем не такие, какими раньше ему представлялись. Ему-то по ночам красавица снилась с нежной кожей и волосами зелёными, а тут на него две то ли рыбы, то ли лягушки смотрели.

— Нет, с такими я дело иметь не хочу, — решил он и дальше поплыл.

Только уплыть ему не удалось, потому что русалки это за игру приняли и с весёлыми криками вдогонку кинулись. Как Фома ни сердился, как за корягами не прятался, а русалки только ещё больше веселились. Еле-еле он от них удрал и в водорослях затаился. Сидит и думает: «Если здесь такие страшили есть, то, может, и моя красавица где-то тут плавает, надо всё-таки её найти». Подумал, и поплыл красавицу свою искать.

Теперь, когда у него дело было, он на чудеса речные уже не смотрел, а только любимую свою искал. Время шло, Фома по реке плыл, а никто ему навстречу не попадался. Так незаметно день пробежал и ночь опустилась. Но только когда на небе звёзды с луной засияли, в реке жизнь не замерла, а наоборот, будто пробудилось всё. В лунном свете преобразилась река, заиграла и запереливалась, будто серебряной пылью посыпанная. Это человеческий глаз ночью плохо видит, а у водяного глаза большие, он и при луне всё вокруг рассмотреть может. Поэтому русалки и водяные часто по ночам поиграть выходят. Вот и в ту ночь решили они поиграть

и порезвиться, а Фома повезло, что он недалеко от них оказался. Услышал он весёлые голоса, подплыл поближе и увидел, как русалки с водяными свои хороводы водят.

Всю ночь Фома за ними издалека наблюдал, незнакомку свою выискивая. Все русалки одна на другую были похожи и ничем его красавицу не напоминали. Уже утро начало розоветь, когда он решился водяному народу показаться. Вылез Фома из своего укрытия и сразу же понял, что все его здесь за своего принимают. Русалки с водяными его окружили, стали расспрашивать, откуда он, кто такой и как в их речку попал. Фома начал было говорить что-то, но его сразу перебили, в игры свои увлекли. Фома отказываться не стал, ему и самому интересно было с водяным народом поближе познакомиться.

Однако не забыл он, зачем к волшебнику Силантию ходил и под воду просил его отправить. Начал он русалок расспрашивать и скоро нашёл ту, которая ему в тот день показалась. Нашёл, и совсем своей находке не обрадовался. Не оказалось в русалке ничего из того, что фантазия его нарисовала. Он-то её себе прекрасной девушкой земной представлял, а тут на него подводное существо смотрело! И не было в этой русалке ничего от той красоты, которую он себе придумал. И так от этого открытия у него на душе плохо сделалось, что хоть плачь. Смотрел он на русалку эту и чувствовал, как у него внутри всё переворачивается, как все его мечты и надежды речная вода уносит и одну пустоту взамен оставляет.

Так силён удар этот был, что пошатнулся под ним охотник Фома и поплыл куда глаза глядят, только бы ото всех подальше. Русалки сначала подумали, что он новую игру какую-то затеял, за ним поплыли, но он на них внимания не обращал, и скоро они отстали и своими делами занялись.

Нашёл Фома тихую заводь, на камень опустился и так и просидел до рассвета.

Когда солнце взошло и всё вокруг осветило, осмотрелся охотник и даже испугался, каким чужим всё вокруг ему показалось. Рыбы круглыми глазами на него глупо пялились, водоросли как плети в струях воды извивались, при каждом движении со дна облачка мути поднимались.

– Неужели же я хотел красоту лесов и полей на этот холодный мир поменять? – с ужасом подумал Фома, и так ему назад домой захотелось, что хоть плачь. Поплыл он вдоль берега и скоро нашёл место, где его маленький домик стоял. Посмотрел на него Фома, вспомнил, как уютно там бывает, когда печку натопишь, и ещё сильнее захотел вернуться. Но тут вдруг пришла ему в голову шальная мысль: а вдруг да волшебник чего напутал и он навсегда в водяных останется? Страшно ему от этого стало, захотелось поскорее волшебника найти, спросить, когда он назад в человека превратится, но тут вдруг у него перед глазами всё расплылось, а в рот и в нос вода хлынула.

Захлебнулся Фома от неожиданности, забарахтался и на поверхность всплыл. Вылез он на берег, на руки и ноги свои

посмотрел, лицо ощупал и закричал от радости, ведь он снова самим собой стал!

Весь день он после этой бессонной ночи проспал. К вечеру проснулся, ужин приготовил, и тут ему опять та девушка вспомнилась, которую он себе под водой представил. И вдруг понял Фома, что хоть к русалке он больше идти не хочет, но образ тот прекрасный всё равно любит и ни за что никого другого теперь полюбить не сможет.

– Буду теперь здесь в лесу один жить, чтобы никто не мешал мне мечту мою хранить, – твёрдо решил он, поужинал и снова спать лёг.

Многое человек может твёрдо решить, но жизнь часто всё по-своему поворачивает. Вот и тут – как в лесу проживёшь, когда то к волшебнику Силантию надо сходить, чтобы спасибо сказать, то добычу на базаре продать, то стрелы новые у кузнеца купить.

Вот в кузнице-то он с Дашей, дочкой кузнеца, и познакомился. Сначала она ему совсем не понравилась. Да и как кто-то сравниться с его мечтой мог! Но затем всё чаще его в кузницу стало тянуть. Даша ему всегда радовалась, всегда поболтать с ним готова была, все мысли его терпеливо выслушивала, когда надо – поддержать, когда надо – посочувствовать могла. И не заметил Фома, как образ той красавицы, что под водой ему пригрезился, заменился на лицо Дашино.

Что дальше было, о том и говорить не надо. Настоящая живая девушка лучше всякой фантазии оказалась, и вскоре

сыграли в деревне свадьбу. Волшебник Силантий на ней тоже был. Он сидел на почётном месте и довольно бороду поглаживал. Любил старый мудрец, когда люди счастливы были.

Сказка о лешем из Тёмного леса

Прошло время, и не заметили люди, как жизнь в царстве Приморском наладилась, а память об ужасе, который нападение Змея Горыныча вызывал, забываться начал. В новых землях люди дома сожжённые отстроили, поля вытоптанные перепахали и засеяли. Царь Агафон в стольный град свой вернулся и от дел отдыхал. Каждый день карасей в озере ловил, в шашки играл и внукам радовался.

Елена Прекрасная сильно занята была. Загорелось ей ремонт во дворце сделать, и теперь с утра до ночи бегала, мастерам указания давала, где пилить, где красить. Ворчали мужики, но слушались, царевна всё-таки.

Иван весь в государственных делах был. Как у царя отдых, так у него забота: то послов прими, то жалобы от купцов выслушай, то войску смотр устроить надо. За день так уставал, что без сил на кровать вечером падал.

Всё хорошо и спокойно было, однако поползли вдруг по царству страшные слухи. Говорили люди, что то тут, то там мелькала в небе среди облаков тень трёхголовая. Всё громче и громче разговоры шли, что скоро Змей, которого Иван прогнал, вернётся и на крыльях своих беду принесёт.

Сорока на хвосте быстро слухи разносит, вот и Ивановых ушей они достигли. Сначала-то он внимания на них не обратил, а затем всё чаще и чаще стал в небо поглядывать, не

летит ли Змей Горыныч, что в Тёмном лесу живёт. Не давала эта тревога ему покоя, сна лишала. Скоро заметил он, что из дворца без меча волшебного выходить опасается, боится, как бы врасплох не застало его чудище. Часто, когда глаза закрывал, представлялся ему город Карась, в огне пылающий, люди, в лес убегающие, а самое страшное, как Змей жену его мучает, сыновей убивает.

Совсем извёлся от этих мыслей Иван и сказал однажды:

– Всё, не могу я так больше! Пока чудище рядом живое ходит, не видать мне покоя.

Нашёл он царя на озере, где тот то ли дремал, то ли рыбу ловил, и сказал, что в Тёмный лес идёт, Змею головы рубить. Агафон от таких слов даже удочку в воду уронил.

– Что же это ты задумал-то такое? – возмутился царь.

Тут же Агафон рыбалку забросил и стал про опасности, Ивана подстерегающие, рассказывать. Ходила про Тёмный лес дурная слава. Никто в этот лес далеко не заходил, а если какой смельчак и решался, то больше его не видели. Говорили люди, что живёт там леший злой, любит он путника по лесу кружить, пока тот от голода и усталости замертво не падает. Говорили, что даже звери и птицы этих чащоб избегают.

Слушал его Иван внимательно, хоть и наперёд знал всё, что царь скажет.

– Может, погубит меня нечисть лесная, а может, и нет, – ответил он, – а только сидеть и Змея ждать больше не могу.

Отговаривал его Агафон, но вообще-то согласен был, что не будет в царстве спокойствия, пока хоть тень беды над ним висит. А крылья огромные, которые солнце застилают, люди хорошо помнили.

Долго они ещё говорили, пока не решили, что не миновать этого похода. Хотел царь всё войско послать, да Иван сказал: – Лешему всё равно, сколько людей по лесу водить, что одного, что тысячу заплутает. Если же я один пойду, то, может, и не заметит меня лесной владыка.

Вздохнул Агафон.

– Жаль мне тебя отпускать, но если твёрдо решил – иди, назад не оборачивайся и, главное, живым назад возвращайся.

Как узнала Елена Прекрасная, куда её муж собирается, ногой топнула и заявила, что ни за что его не отпустит, что не верит, будто Змей опять появиться может. Много слов было сказано, много слёз пролито, но только всё зря. Твёрдо Иван решил землю от Змея Горыныча избавить, ничто его остановить не могло.

Недолго он собирался. Взял меч волшебный, пирогов в котомку положил и готов был.

Долго царица с Иваном прощалась, говорила, как за него боится, просила назад живым вернуться. Прижал он её к сердцу, прошептал слова ласковые и в путь тронулся.

Вышел он в чистое поле, свистнул богатырским посвистом, позвал Златибора. В тот же миг видит – скачет к нему

золотой конь-огонь, грива по ветру развевается.

— Что, Иван, прикажешь?

Рассказал ему Иван о тревоге своей, в седло вскочил и помчался к Тёмному лесу. Хорошо он помнил, куда Змей после битвы улетел, вот в ту сторону и решил направиться.

— По солнцу и по звёздам я дорогу всегда найду, — подумал он. — Змей прямо летел, и если я прямо пойду, то логово его никак не миную.

Долго ли, коротко ли, а оказался Иван на опушке Тёмного леса. Смотрит, а лес и вправду тёмн. Деревья одно к одному стоят, листья света солнечного до земли не пропускают, и ни дорожки, ни тропинки не видно. Тронул он поводья и в лесную темень въехал. В тот же миг пахнуло на него затхлой сыростью, озноб по коже пробежал. Только не стал Иван назад оборачиваться, смело коня в глубь лесную направил.

Тяжело по лесу пробираться было. Сначала он на коне ехал, затем с седла слез и впереди пошёл. Целый день он через буреломы пробирался, пока к вечеру сосну большую и приметную не нашёл. Под ней он заночевать решил. Костёр запалил, коня накормил, сам пирогов поел и спать лёг.

На другой день легче не стало. Ему тяжело, а Златибору ещё тяжелее. Волшебный конь к полям просторным привык, душно ему в густом лесу, на волю хочется. Острые ветки бока его оцарапали, колючки в гриве шелковистой запутались. К вечеру смотрит Иван, а места будто знакомые. Повнимательней огляделся и увидел ту самую сосну приметную, под

которой прошлую ночь ночевал.

– Ну, – думает, – дело плохо. Видно, это леший со мной позабавиться решил, кругами поводить.

Хворосту насобирал, костёр разжёл, чаю вскипятил, сидит и грустную думу думает о том, что, видно, погибать ему здесь придётся. Коли леший за дело взялся, то теперь, сколько ни ходи, всё равно к этой сосне вернёшься. Тут пришла ему в голову мысль, что раз лесного жителя победить нельзя, то, может, с ним подружиться можно? Встал Иван, лесу поклонился и сказал:

– Батюшка леший, будь моим гостем, присядь к костру, пирога отведай, чаю попей!

Долго он прислушивался и приглядывался, но только ни один лист не шевельнулся, ни одна ветка не треснула. Пришлось Ивану одному ужинать.

Третий день всё в тех же трудах прошёл. Иван впереди идёт, дорогу выбирает, Златибор за ним следом пробирается. Как вечер опустился, они опять у знакомой сосны оказались. Снова Иван костёр разжёл и стал лешего в гости на пироги звать. Много раз лесу кланялся, и так и эдак к нему обращался, но ответа так и не было.

Четвёртый день хуже всех был. В такие буреломы Иван забрёл, что к вечеру кафтан в клочья о ветки порвал, шапку в чащобе потерял. Конь волшебный совсем погрузнел, голову до земли опустил, смотрит невесело. К ночи ближе снова они в знакомых местах оказались.

Присел Иван у костра и думать стал, что дальше делать. В мешке с припасами покопался и пряник печатный нашёл.

– Дай-ка, – думает, – его предложу, может, леший их больше, чем пироги, любит.

Встал, лесу поклонился и говорит:

– Батюшка леший, лесной хозяин, позволь мне тебя к костру позвать, пряником угостить!

Вдруг увидел Иван, как зашевелились кусты и вылез оттуда зверь – не зверь, человек – не человек, а чудо лесное. На двух ногах ходит, да то ли шерстью, то ли мхом оброс. Нос – что еловая шишка, щёки – что горсть желудей, глаза большие, в темноте светятся, уши острые, борода длинная.

– Здравствуй, прохожий человек, – говорит, – а что за пряник у тебя, не медовый ли?

– Медовый, дедушка, – Иван отвечает. – Садись к костру, отведай.

Присел леший к костру, пряник съел, чай выпил и заулыбался. Тут его Иван и спросил:

– Дедушка, а зачем ты меня по лесу кругами водишь? Мы с конём совсем замучились по буреломам лазить. Почему ты нам дальше пройти не разрешаешь?

– А ты не ходи куда не следует, – насупился леший. – Велено мне всех вас кругами водить, вот и вожу.

– Кто же это тебе, лесному господину, приказывать может?

– Теперь уже не я в лесу хозяин, – грустно ответил ле-

ший. – Нынче Змей Горыныч всем здесь заправляет. Мне он велел нору его охранять, всех, кто в лес заходит, кружить, чтобы ни один человек из леса живым не вышел. Запретил мне лес чистить, грибы и ягоды разводить.

– Тяжело тебе, наверное, – посочувствовал ему Иван.

– Тяжелее, чем ты думаешь, – совсем пригорюнился леший. – Ведь супостат этот лешачиху мою в услужение себе взял и теперь ни пирогов, ни пряников у меня в избе нет. Одни тараканы туда-сюда шмыгают.

– Что ж ты терпишь-то напасть такую в своих владениях?

– Да разве мне Горыныча одолеть?! – всплеснул руками леший. – Ведь он огромный, о трёх головах, а я маленький и слабый.

– Отведи-ка ты меня к Змею, дедушка, – Иван сказал. – Я ему головы отрублю и тебя из беды выручу.

Удивился леший такому предложению, испугался. Сидит перед ним обычный человек и грозитя Змея победить.

– Что-то не верится мне, что ты Змею что-нибудь плохое сделать можешь, – леший сказал. – Может, конечно, тебе повезёт шкуру его мечом своим чуть-чуть поцарапать, а больше всё равно ничего не сделаешь. А меня после этого Змей накажет.

Иван на это улыбнулся и ответил:

– А ты отведи меня к Змею всё-таки. Если я его победить не смогу, то Змей мной перекусит и спасибо тебе скажет.

Задумался леший. Змей страшен и велел никого к его ло-

гову не пускать, но, с другой стороны, вроде и не страшно человека туда отвести, если он так просит. Съест его Змей и, может, и не сделает лешему ничего плохого. А вдруг Иван и вправду со Змеем справится? Вдруг и правда освободится леший от этого страшилища? Подумал так, подумал, да и решил Ивана к Змею отвести, может, и правда поможет ему и всему лесу.

Как утро настало, так и пошли. Впереди леший идёт, за ним Иван на коне едет. Леший в лесу хозяин, по его слову деревья расступаются, ветки поднимаются, буреломы расползаются. Очень он хотел поскорее Ивана до места довести, вот и старался, дорогу делал прямую и удобную.

Три дня они так шли, пока на большую поляну не выбрались. Златибор как простор увидел, так гривой потрянул и чуть не умчался вдаль, еле-еле Иван его удержал, слушаться заставил. Леший тем временем за куст спрятался и их туда позвал.

– Вот оно, Змеево логово, – говорит.

Смотрит Иван, посреди поляны гора брёвен навалена, а сбоку вроде вход под эту гору виден. Видно, чудище яму огромную в земле вырыло, сверху брёвен навалило, вот и вышел дом – не дом, землянка – не землянка, а настоящая Змеева нора. Выхватил он меч волшебный, собрался в битву кинуться, да леший ему дорогу загородил, подождать попросил.

– Там же лешачиха моя! – сказал. – Когда Горыныч разо-

злится, тебя увидев, он и её может огнём спалить. Дай я сначала её выведу, а уж затем ты пойдёшь.

Остановился Иван, согласился подождать, пока лешачиха выйдет. Леший ко входу в нору подбежал, поскрипел туда, и тут же его хозяйка из норы вышла. Она на лешего похожа была, только ростом пониже и бороды нет. Осмотрела лешачиха Ивана с головы до ног и засомневалась:

– Не может быть, чтобы ты Змея победил. Езжай-ка, добрый молодец, домой, а то Змей тебя съест, даже косточек не останется.

– погоди, бабушка, меня хоронить, лучше скажи – дома ли Змей?

– Ну, если тебе жизнь не дорога, то давай, иди, – ответила ему лешачиха. – В норе он сейчас лежит, отдыхает. Две головы спят, а третья караулит. Только смотри, злой он сильно, не пощадит. Как из гостей с разодранным хвостом вернулся, так и лютует, совсем спасу нет.

Пришпорил Иван коня, подлетел к проходу в брёвнах и крикнул:

– Вылезай, Змей Горыныч, смерть твоя пришла!

– Кто это со мной шулки шутить вздумал?! – раздался изнутри рёв.

– Ты голову высунь, тогда узнаешь! – ответил Иван.

Не стал Змей шею под меч подставлять, крышу над головой раскидал и на волю вылез.

– Да это никак опять ты, негодный человечешко! – зары-

чал он, – В прошлый раз жив остался, так думаешь, что и сейчас повезёт?! – дыхнул пламенем и на Ивана кинулся.

Битва была яростная. Змей о прошлом бое не забыл, кидался на Ивана, но и об осторожности помнил, старался под удар меча не подставиться. Иван на волшебном коне вокруг Змея кружился, от струй пламени уворачивался, от огромных пастей клыкастых мечом отмахивался и всё никак не мог Змея поразить. Бились они, бились, уже уставать начали. Скоро почувствовал Змей, что конец близится. Как он ни осторожничал, а Иван всё равно его быстрее и ловчее. Иванов меч волшебный уже дважды его шкуру рассёк, вся поляна чёрной кровью залита, а он Ивана никак достать не может! Как ни старается, как хвостом не бьёт и пастьями его схватить ни пытается, а тот всё быстрее оказывается. Начала Змея слабость одолевать. Всё медленней лапы поднимаются, всё меньше огня из пасти вылетает. И вот тут Змей испугался не на шутку. Всю жизнь он всех сильнее был, любого победить мог, а сейчас человек уже второй раз смертью ему грозит! И решил тогда Змей договориться попробовать.

– Постой, – говорит, – Иван, хватит нам драться, давай миром разойдёмся. Отдам я тебе половину Тёмного леса и на царство Приморское никогда нападать не буду. Ты же домой с миром поезжай и меня в покое оставь.

Иван меч от удивления опустил. Ни от кого не слышал он, чтобы Змей с кем-либо из людей договариваться пробовал!

– Не о чём нам с тобой разговаривать, – ответил Змею

Иван. – Не будет на земле покоя, пока ты жив!

Быстро взмахнул Иван мечом и чуть голову Змею не снёс, еле-еле тот увернулся, отскочил и закричал:

– погоди, погоди, дай договорить! Если хочешь, я тебе клятву дам, что из леса никогда выходить не буду, людей никогда не трону! Давай договоримся!

Иван Змея слушал и не верил ему. Знал, что Змеи людей за равных себе не считают, никогда свои обещания людям не держат и договора с людьми не соблюдают. «Пока я меч крепко в руке держу, Змей будет слово держать, а как только состарюсь и не смогу так же, как сейчас, биться, так он опять из леса вылетит и ничего хорошего от этого людям не будет», – подумал.

Увидел Змей, что Иван задумался, и понял, что это его последний шанс. Все три головы по очереди в Ивана огнём дыхнули, и, пока Иван от струй горящих уворачивался, раскрыл Горыныч крылья свои огромные и стремительно в небо взмыл. Так быстро он никогда раньше крыльями не махал. «Уж лучше владений своих лишиться, чем жизнь потерять», – думал. Высоко Змей взлетел и долго улетал куда глаза глядят. Страх его вперёд гнал, больше всего он боялся, что найдёт его Иван. Наконец за дальним морем меж высоких гор глубокую пещеру нашёл, в ней спрятался и стал раны зализывать. С тех пор в Приморском царстве о Змее ничего не слышали.

Когда Змей удирать начал, пытался было Иван за ним в

погоню броситься, да разве догонишь это чудище крылатое!

Как только Горыныч вдали скрылся, из леса леший с лешачихой вышли. От радости они приплясывали и то ли песню пели, то ли просто кричали что-то счастливое. Так забавно это у них получалось, что не удержался Иван и рассмеялся. Как песня закончилась, так поклонились они Ивану и говорят:

– Спасибо, добрый человек, что от напасти лес избавил, волю нам вернул.

– Это, конечно, хорошо, – Иван ответил. – Только как я отсюда выбираться буду? Не станешь ли ты, дедушка, меня вокруг поляны кругами водить?

– Что ты, что ты, мил-человек! – замахал руками леший. – Ведь это супостат трёхголовый заставлял меня людей губить и лес портить. А тебя мы с хозяйкой прямой дорогой на опушку выведем.

Как сказали, так и сделали. Через все чащобы провели его так, что даже ветка Ивана не коснулась, будто он по столбовой дороге ехал.

Уже перед самой опушкой стали лешие с ним прощаться, пообещали, что лес вычистят и никого больше губить не будут.

– Отныне ты всегда желанным гостем здесь будешь, – сказали. – Весь лесной люд тебя с радостью встретит и поможет, если заплутаешь невзначай.

– Неужто и в избушку своюпустишь? – удивился Иван.

Почесал леший в затылке, повздыхал и говорит:

– Никогда и никого я даже близко к дому своему не подпускал, а тебя с открытой дверью встречу, угощу и обогрею.

Попрощался Иван с лесными хозяевами и домой поспешил. Быстро чудо-конь его до дворца донёс. Ох и переполох же там начался, когда он во двор въехал! Все Ивана уже оплакивали, мёртвым считали. Елена Прекрасная в дальних комнатах плакала, говорила, что это царь Агафон во всём виноват, зачем её мужа на верную смерть послал! Агафон грустный ходил, себя винил в том, что внуки без отца расти будут.

Не было пределов радости, когда Иван живой вернулся. Целую неделю всё царство гуляло, праздновало избавление от страшной опасности.

После того, как Змей из Тёмного леса сбежал, изменился лес. Пропали буреломы, звери и птицы завелись, грибов и ягод стало превеликое множество. Леший слово своё сдержал, лес почистил и вылечил. И больше он никого в чащах не кружил, только к избушке своей не пускал. Хоть и звали люди лес по привычке Тёмным, но ходить туда стали без страха. Скоро на полянах возле речек деревни появились, дороги между ними пробежали.

Сказка о царевиچه Алёше

День за днём незаметно время летит. Не успеешь оглянуться, а уж год прошёл, а там и второй миновал. Вроде только вчера Иван в колыбели сыновей своих качал, а сейчас уже шустрые мальчишки по двору бегают.

Сыновья совсем друг на друга похожи не были. Иванушка, старший, весь в отца пошёл. Книжки любил читать, сказки слушать. А младший, Алёшенька, весь в мать удался. И лицом на неё похож, и характер её. Всё время мечтал о чём-то прекрасном и далёком. То представлял себя храбрым витязем, который один целые армии в бегство обращает, то царевну прекрасную из плена освобождал. Но больше всего Алёше нравилось себя капитаном большого корабля представлять. Очень часто, плавая по Карасёвому озеру на лодочке, мечтал, как с бурями борется, пиратов побеждает и земли новые, неизведанные открывает. А уж когда к лодочке парус приделать смог, тогда вообще только на озере пропадать стал.

Елена Прекрасная из-за этой лодочки очень сильно тревожилась.

– И о чём только ты думал, когда лодку сыну дарил? – не раз пеняла она Ивану.

– Ничего, ничего, – улыбался тот в ответ, – он уже совсем взрослый стал, пусть учится. – Улыбался и вспоминал то вол-

шебное ощущение бескрайнего простора, которое сам в море пережил, когда на корабле плавал. Вспоминал, как далёкие дали его к себе звали и за горизонт манили.

И правда, скоро Алёша так ловко с лодкой управляться стал, что всё озеро изучил. Да и моряки, которые видели, как он на своей лодочке плавает, одобрительно головами кивали: «Будет из него толк», – говорили.

Каждый раз, как лето наступало, начинали братья в Мал-город к морю проситься. Очень им нравилось в тёплых волнах плескаться и крабов между камнями ловить.

– Ну зачем в такую даль тащиться, когда у нас озеро, как море, большое, – ворчала Елена, однако собираться начинала, и выезжал из царского дворца караван из карет, повозок и повозочек, который их к тёплому морю вёз.

Вот и в этом году, чуть тепло стало, поехала царевна с детьми в Мал-город.

Иван на этот раз в столице остался. Он и рад бы поехать, да царь не пустил, сказал, что много дел накопилось и тяжело ему одному без помощника будет.

Чуть только карета возле дворца в Мал-городе остановилась и начали вещи разгружать, как братьев будто ветром сдуло. Так они спешили в море искупаться, что даже маме забыли сказать, куда побежали.

Через несколько дней надоело мальчишкам просто так в

воде бултыхаться и начали они каждый своим делом заниматься. Ванечка с утра до вечера у волшебника Тимофея сидел. Хотел он научиться ветер поднимать, чтобы даже в самую жару прохладно было. А Алёша всё время на пристани среди моряков и рыбаков пропадал. Помогал им чем мог, со снастями возился, корзины с рыбой таскал и всё время просился в море его взять. Моряки, что в дальние страны ходили, ни за что бы его с собой не взяли, а вот рыбаки с удовольствием бы смышлёного и старательного парнишку по морю прокатали, да царевна строго-настрого делать это запретила, уж больно она боялась, что сыночек маленький утонет. Вот и смотрел Алёша, как рано утром поднимались паруса и скрывались вдали лодки, и только вечером возвращались они назад и приставали к берегу уставшие, но довольные рыбаки, привезшие полные корзины серебристых рыб. Так ему это понравилось, что он даже передумал в дальние страны плавать и решил рыбаком стать.

Каждый вечер, после того как рыбаки улов уносили, забирался Алёша в одну из их лодок и долго-долго мог там лежать, о будущем мечтая.

Вот как-то раз, одним погожим вечером помог он рыбакам корзины с уловом отнести и поскорее на пристань вернулся, чтобы помечтать в своё удовольствие. И тут увидел он, что в одной из лодок рыбаки парус и вёсла оставили. В тот же миг забыл мальчишка обо всём на свете и только лод-

ку, к отплытию готовую, видел.

— Не буду от берега отчаливать, поиграю чуть-чуть и всё, — решил он, залез в лодку и начал поднимать парус. Быстро его ловкие руки со снастями справились, поймал парус налетевший ветерок, и натянулась верёвка, которой лодка к берегу привязана была.

— Я только чуть-чуть вдоль берега поплаваю и сразу назад, — прошептал Алёша, торопливо отвязывая лодку.

Когда огромный голубой простор вокруг открывается, так хочется ещё чуть-чуть поплавать, ещё немного себя настоящим моряком ощутить! Поэтому забыл Алёша про своё решение быстро к берегу вернуться и нос лодки в открытое море направил.

Сначала Алёша всё парусом управлял, а затем под лодкой огромную рыбину полосатую заметил. До чего же её поймать мальчишке захотелось! Попробовал он её руками схватить, да глубоко она плыла. Тогда Алёша стал её веслом доставать, но рыба плавником шевельнула и уплыла. Недолго думая, он за ней в погоню бросился, но только рыба в глубину нырнула и там скрылась.

Обидно Алёше стало, что добыча ушла, и решил он другую такую же найти. Лёгкий ветерок сам лодку вперёд толкал, а Алёша через борт с веслом наготове свесился, чтобы уж точно добычу не упустить.

Долго мальчишка рыбину высматривал, а только никого в

прозрачной воде так и не увидел и уж совсем к дому повернуть собрался, когда прямо перед носом его маленького кораблика дельфин из воды выпрыгнул. Никогда Алёша дельфинов вблизи не видел, и поэтому, когда из воды вслед за первым ещё трое вылетели, его восторгу границ не было. Тут же забыл он обо всём на свете и вдогонку за дельфинами пустился. А дельфины будто играют, рядом с лодкой прыгают, чёрными спинами блестя. Только скоро надоело им так играть и быстро-быстро они вдали скрылись. Попробовал Алёша их догнать, да где там! Зато, пока за дельфинами гонялся, заметил то, чего раньше никогда не замечал. Увидел он, как прекрасно море и как близок горизонт, когда свежий ветер парус надувает. Будто зачарованный смотрел, как море с небом в одну полоску сливается, и оторваться не мог. И казалось Алёше, что за этой полоской горизонта таится так много прекрасного! Неведомые земли, населённые неизвестными народами, чудесные приключения и богатырские подвиги, и всё это было скрыто там, за такой близкой и в то же время такой далёкой чертой горизонта.

Кто знает, куда уплыл бы Алёша, если бы его вдруг брызгами не обдало. Очнулся мальчишка от своих грёз, вокруг оглянулся и увидел, что в мечтах не заметил, как от берега очень далеко отплыл. Уже не видны на берегу ни люди, ни дома, а только чёрная полоска далеко за кормой виднеется.

– Ну ничего, сейчас я быстро назад вернусь, – подумал и

развернул лодку.

Только не так-то просто вернуться оказалось. За то время, что он в море был, ветер из ласкового в сердитый превратился, волны разгулялись, стали судёнышко раскачивать. Да и рыбацкая лодка – это не маленькая лодочка, которой он так ловко на Карасёвом озере управлял. Сама она тяжёлая, неповоротливая, парусом в одиночку управлять сложно, парус на ветру хлопает, то и дело судёнышко опрокинуть норовит. И так и сяк пробовал маленький капитан лодку развернуть, но только ничего у него не получалось. Всё дальше и дальше лодку в открытое море уносило.

Попробовал Алёша парус спустить и на вёслах плыть, да только вёсла, для сильных мужских рук сделанные, его не слушались. Помучился он немножко и понял, что бесполезное дело затеял. А волны всё выше поднимаются, ветер всё сильнее дует, холодные брызги в лицо мальчику бросает.

Вот тогда он по-настоящему испугался и заплакал. Только долго слёзы растирать ему не пришлось. Налетела большая волна, лодку чуть не перевернула и его водой с головы до ног обдала. От этого холодного душа у него сразу слёзы высохли и вспомнились слова отца о том, что настоящие мужчины никогда не плачут, а до конца быются. Немало Алёша рассказов моряков слышал о том, как они с бурями боролись, вот и стал делать так, как они говорили. После этого выровнялась лодка и стала лучше на волнах держаться. Только волны меньше не становились, всё злее налетали, всё яростнее на

лодку кидались. А на корме этого судёнышка сидел и крепко держал руль сжавшийся в комочек и дрожащий от холода, но не потерявший мужества маленький капитан.

Дома не сразу Алёшенькино отсутствие заметили. Мама его уже привыкла, что её сыновья непоседливые быстренько от мамочки и нянечек удирают и сами по себе гуляют. Обидеть их никто не мог, всё-таки царские внуки, а потеряться было негде, поэтому и смотрела на эти прогулки мама спокойно, и не волновалась совсем, что дети сами по себе гуляют. Поэтому, когда Алёша к ужину не вернулся, поворчала она и всё. И только когда ветер начал усиливаться, забеспокоилась царица и велела поскорее Алёшу найти. К этому времени и рыбаки о парусе забытом вспомнили. Пошли они на берег, а там лодки нет!

– Как же её могло унести, ведь ветер не такой уж и сильный, – заволновались они.

А тут ещё от царицы прибежали, Алёшу искать начали. Сразу после этого смекнули рыбаки, куда мальчишка делся.

– Видно, решил на лодке поплавать, но с парусом не справился, вот его ветром в море и уносит, – сказали они царицыным гонцам.

Не стала Елена в обморок падать или слезами заливать, когда ей эту весть принесли, а начала всех на ноги ставить, Алёшу спасать.

Сначала она велела всем рыбакам в море на поиски от-

правляться, а затем и военные корабли, которые в гавани стояли, в море вышли.

Только всё сильнее налетал ветер. Покачал головой старый адмирал, что рядом с царевной стоял, и сказал:

– Видно, буря будет сильная. Ни один корабль в такую погоду в открытом море уцелеть не сможет.

И действительно, скоро показались среди бушующих волн рыбацкие лодки, которые спешили на берегу от бури укрыться, а затем и военные корабли начали к пристани возвращаться, от бури спасаясь. Посмотрела Елена на приближающиеся паруса и заплакала от великого горя. Тут подошёл к ней Ванечка, за руку подёргал и говорит:

– Мама, а давай волшебника Тимофея позовём, он бурю вмиг успокоит и Алёшу спасёт.

Сразу у царевны слёзы просохли и глаза от надежды загорелись.

– И как же я сама до этого не додумалась! – прошептала она и немедленно гонца к волшебнику Тимофею, который умел погодой управлять, отправила.

Тимофей недалеко жил, поэтому уже скоро на пристань примчался. Как узнал он, в чём дело, так на лицо его тень набежала.

– Ветер я успокою, – сказал он, – да и с волнами мы договоримся, а вот только за всем уследить всё равно невозможно, поэтому и порывы ветра будут сильные налетать, да и волны иногда будут баловаться. Для большого корабля это

не страшно, а вот как там царевич с лодкой управится, этого я не знаю.

Начал волшебник колдовать. Произносил заклинания, делал знаки руками, бросил в воздух какой-то порошок, и постепенно стал стихать ветер и начало успокаиваться море. Нет, совсем всё не успокоилось, вдруг налетали дикие порывы или ни с того ни с сего поднимались высокие волны, но это уже было не так страшно. Только моряки хмурились.

– Плохо, когда ветер с разных сторон налетает и волны неизвестно с какой стороны ударят, – сказал один из рыбаков. – Лодку перевернуть может, она же не корабль, у неё борта низкие.

– Ну придумай же что-нибудь, – умоляла волшебника царица, – ведь там сынок мой погибает!

– Не могу я всё море унять, зато могу попробовать вокруг лодки море успокоить и от ветра её защитить, – подумав, сказал Тимофей.

Алёше в это время совсем туго приходилось. Вроде волны уже не такие огромные и страшные, да и ветер уже не бушует, но только теперь они с разных сторон налетают! Как он лодкой ни управлял, а только она чудом не переворачивалась. И ещё воды в лодку много набралось. Алёша её черпаком, что всегда в лодке лежал, вычерпывал, только всё равно волны быстрее воду в лодку заливали. Совсем лодка стала тяжёлая и неуклюжая, руля почти не слушалась и всё больше и боль-

ше на волнах кренилась, начала воду бортами зачерпывать. Весь мокрый, продрогший и измученный, он из последних сил с морем боролся, когда вдруг стих ветер и разгладилось море вокруг лодки. Там, за невидимой границей, и ветер задувал, и волны ярились, а возле лодки вода как зеркало была ровная, ни одной, даже самой маленькой волны на ней не было, да и ветер об эту невидимую границу бился, а до лодки добраться не мог. Стояла лодка в центре круга, внутри которого море было таким спокойным, что даже малейшая рябь по нему не пробегала и даже слабого дуновения ветерка не чувствовалось, а снаружи волны продолжали свои игры с ветром. Никакого желания не возникло у Алёши из тихого круга выплывать, поэтому он свернулся калачиком на лавке и заснул, измученный тяжёлой работой.

Наконец Тимофей свою волшбу закончил и сказал, что теперь ни волны, ни ветер лодке, в которой Алёша плывёт, не страшны. А ещё он сказал, что знает, где лодку искать, и надо поскорее туда плыть. Ну а дальше всё уже проще было. Море хоть и спокойным не стало, но и не ярилось, как раньше, поэтому взошли Елена с волшебником на корабль и волшебник его к Алёше направил.

Когда они лодку увидели и в ней Алёши видно не было, Елена чуть с ума не сошла от страха. «Вдруг его волной за борт смыло», – только и могла думать она.

Но когда корабль к лодочке подошёл и она увидела сы-

на, который, на лавке свернувшись, спал, чуть через борт не прыгнула, чтобы поскорей его обнять. Только матросы её удержали, сами в лодку спустились и на руках мальчишку на корабль подняли.

Трудно описать, как мама сыночку спасённому радовалась. Долго она его к себе прижимала и плакала. Да и смелый моряк хоть и крепился и делал вид, что он настоящий морской волк, а всё же за маму уцепился, жался к ней и даже поплакал немножко.

На следующий день Царевна детей от моря увезла. Она так боялась, что Алёшенька её вновь в лодку заберётся, что ни на минуту его от себя не отпускала.

Иван с сыном по-мужски поговорил, объяснил, что нельзя бездумно желаниям своим следовать, всегда надо силы свои соизмерять.

У братьев между собой также разговор серьёзный был.

– Вот видишь, если бы не волшебное искусство, утонул бы ты, – сказал Ваня.

– Если бы я с парусом умел лучше обращаться, то никакое волшебство бы не потребовалось, – ответил ему Алёша.

И сколько они не спорили, так к согласию и не пришли. Только Ванечка после этого ещё чаще стал к волшебнику Силантию бегать, разные маленькие чудеса делать учиться, а Алёша всё время на озере пропадал, паруса на лодочке своей усовершенствовал и вспоминал волшебное ощущение, которое в море пережил, когда далёкие дали его к себе звали и

из-за горизонта манили.

Хотела было мама строго ему запретить к воде подходить, да отец воспротивился.

– Если уж его буря не напугала, то пусть учится, может, и вправду моряком будет.

Сказка о бессмертном правителе Костуре

Далеко-далеко за Тёмным лесом лежало царство, которым правил царь по имени Костур и по прозвищу Бессмертный. Сколько он царствовал, никто не знал, только помнили люди, что ещё их пра-пра-прадеды ему служили. Так долго он правил, что даже царство называть стали Костуровым, поскольку никто уже и представить себе не мог, что там другой правитель править может.

Бессмертным Костура не зря прозвали. Год за годом проходили, а он не старел, всё так же был силен и энергичен. Старость его стороной обходила, а вместе с ней и смерть к Костуру дорогу найти не могла.

Не только не старел Костур, но и ранить или убить его никто не мог. В скольких войнах он впереди своего войска шёл, а ни разу даже маленькой ранки у него после битв найти нельзя было. С кем бы он ни бился, какие бы умелые воины с ним ни сражались, а только всегда он невредим из битвы выходил, а противники его на поле лежать оставались. Поэтому никому его войско победить не удавалось. Если даже начинали теснить противники его ратников, то бессмертный Костур впереди всех в бой бросался и всегда его войско верх одерживало. Боялись противники бессмертного воина и бежали.

А потому держал Костур в страхе всех своих соседей ближних и дальних. Все соседи дань ему платили, чтобы только Костур со своим войском на них не напал. Вот и шли в его столицу караваны с золотом и мехами, гнали пастухи овец и коров, везли мешки с зерном. Больше всего на свете боялись соседи, что налетит на них страшное войско Костурово.

Жестоким и безжалостным был этот владыка, если ему что не нравилось, то человека без суда и следствия могли в тюрьму бросить или сразу казнить.

Как-то раз дошла до Костура новость, что подданные его в Тёмный лес без опаски ходят, а некоторые даже селиться там начали.

– Как же так? – удивился он. – Ведь там же Змей Горыныч живёт, а он гостей не любит и никогда людей в свой лес не пускает?

Чтобы голову зря не ломать, взял да и послал слуг своих проверить, правда ли это. Слуги съездили, проверили и доложили, что всё верно, что и вправду можно спокойно в лес ходить, что принадлежит теперь лес царю Агафону, а Змей Горыныч никому там не мешает, потому что его Иван прогнать смог.

Не поверил Костур, что кто-то с громадиной трёхголовой справиться сумел, но слуги и об этом всё узнали и доложили:

– Если бы не волшебный меч, которым он с одного маху броню Змея разрубал, то ничего у него не вышло бы, – рассказали они.

Разозлился владыка, что у кого-то есть нечто такое, чего у него нет, и решил меч волшебный себе забрать, а заодно и казну свою пополнить. Воевать ему в это время недосуг было, и поэтому приказал он в Приморское царство посольство послать. Когда посол начал в дорогу собираться, велел ему Костур в железную броню одеться и всё посольство так же нарядить, чтобы сразу поняли приморские жители, как его господин могуч и что он шутить не будет.

Повёз посол письмо к царю Агафону. В том письме Костур требовал, чтобы царство Приморское ему подчинилось и дань платить начало. А в качестве первого дара велел меч волшебный прислать. Если же Агафон голову склонить откажется, то придёт в его владения Костурово войско, города и деревни сожжёт и дань в тройном размере силой возьмёт.

Долго ли коротко ли, а прибыло посольство в стольный град Карась. Принял его царь Агафон с уважением и почестями, стал вопросы задавать. Только посол на него с презрением смотрел, слова сквозь зубы цедил, силой Костура Бессмертного хвастался. Агафон письмо взял, прочитал и так разгневался, что чуть было не приказал всё посольство в темницу бросить. Однако затем решил подумать сначала, мол, казнить их всегда успеется.

На следующий день собрал царь своих советников. Все письмо ещё раз прочитали и возмущённо шуметь начали.

– Негоже нам перед кем-либо шапку ломать и в кабалу

идти, — единогласно заявили они царю.

— Верно говорите, — согласился царь. — Царство у нас не маленькое, воинов хватает, одолеем этого недруга.

Посол же со своими людьми в это время по городу гулял, ко всему приглядывался и приценивался, всем говорил, что его владыка скоро здесь господином будет, а если что не по нём было, так за меч хватался, грозился зарубить на месте.

Долго мирные горожане его наглость терпели, однако, когда он кузнеца плёткой стеганул, а затем начал у гончара горшки разбивать, терпение кончилось.

Если кузнец стерпел, всё-таки посол заграничный, что с этого убогого взять, то гончар возмутился, слуге посла в нос кулаком заехал и потребовал за разбитые горшки заплатить. На это посол ему в лицо рассмеялся и попробовал его плёткой хлестнуть. Люди в царстве Приморском жили мирные, но только пока их не трогал никто. Но если уж задевали мирных жителей, то будто сила богатыря Славодола в них просыпалась, будто и не мирные люди они, а всё то же племя воинов, которые меч из рук никогда не выпускали. Так и здесь, вроде и не богатырского вида гончар был, и с мечом нельзя сказать чтобы сильно дружил, а только, когда плётка его лицо обожгла, как будто дикий зверь в нём проснулся. Поймал гончар плётку рукой и на себя дёрнул. От этого рывка упал посол на колени и чуть лицом в землю не уткнулся.

Кто знает, чем бы всё кончилось. Может быть, побили бы посольских, а может, и что похуже случилось бы, но на сча-

стье посла к лавке гончара царский гонец примчался. Оттеснил гонец гончара от испуганного посла конём, велел ему посла не обижать, а послу велел в царский дворец побыстрей идти, поскольку его царь принять желает. Посол начал было требовать, чтобы гончара за наглость казнили, мол, он на посла царя Костура напал, но только его никто особо слушать не стал, поскольку если бы не царский гонец, то быть бы послу крепко битым.

На этот раз принял посла царь неласково, на троне сидел грозный, по правую руку от него Иван стоял, по левую – воевода кольчугой блестел. Не стал Агафон много времени тратить, сразу ответ свой послу отдал и велел поскорее из царства убираться, пока он его в кандалы не заковал.

В тот же час посольство домой тронулось.

Елене Прекрасной в этот день прогуляться захотелось. Взяла она подружек, сели они на коней и отправились по лесным дорогам покататься, птиц послушать. Всё было бы как всегда, хорошо и спокойно, но повстречали они на беду Костурово посольство, которое как раз домой отправилось. Увидел посол красавицу царевну, которая почти без охраны по лесу ехала, и сразу же глаза у него загорелись.

– Если я такую красоту владыке своему привезу, – подумал он, – то он меня за это щедро наградит.

Как только поравнялось посольство с царевной, подал посол знак, кинулись его слуги на двух воинов, что при царев-

не были, из седла их выбили, подружек разогнали, а Елену Прекрасную схватили.

Словами не описать, что во дворце началось, когда израненный воин страшную весть принёс. Царь Агафон громы и молнии метал, Костура в порошок стереть грозился, женщины голосили, воины коней седлали, чтобы вдогонку за разбойниками мчаться. Иван же от гнева сам не свой меч волшебный схватил, Златибора позвал, в седло вскочил и, никого не ожидая, один в погоню кинулся.

Волшебный конь будто и не бежит, а по воздуху летит, только деревья мелькают. Так он без усталости мчался и ещё до захода солнца посольство Костура настиг. Ехали те по лесной дороге, думали, что от погони скрылись, и над царём Агафоном смеялись.

Увидел Иван царевну свою связанную, совсем голову от ярости потерял и без раздумий на врагов налетел. Как смерч между ними носился, и скоро всех посольских перебил, одного посла в живых оставил. Меч у него из рук выбил, с коня сбросил и сказал:

– Езжай к своему господину и письмо царя Агафона передай. А от меня Костуру скажи, что если он сюда явится, то пощады ему не будет.

Стеганул напоследок посла плёткой по спине и велел бежать, пока жив. Так и пошёл посол пешком без коня, слуг и оружия.

Царевну Иван от верёвок освободил, на коня к себе поса-

дил, и они во дворец поехали.

Гнев царский ещё долго бурлил. Если бы Иван царя не отговорил, то пошёл бы он войной на царство Костурово. А Иван его уговорил не спешить, только заставы на границе выставить, стены у городов отремонтировать и войско начинать к большой войне готовить.

Хоть и нескоро, а дошёл до своего господина посол. По дороге одинокого путника разбойники ограбили, всю дорожную одежду с него сняли, деньги отобрали. Поэтому дошёл до своей столицы нищий оборванец, худой и в синяках от побоев. Не сразу узнали стражники на городских воротах в босоногом голодранце важного вельможу, а когда узнали, сразу к царю Костуру проводили. Отдал посол владыке письмо, которое чудом у него сохранилось, о неудаче своей рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.